DOI: 10.17976/jpps/2022.05.06

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ: ОТ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИИ К ФЕЙКАМ

Д.С. Артамонов, С.В. Тихонова

АРТАМОНОВ Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, email: artamonovds@mail.ru; **ТИХОНОВА Софья Владимировна**, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, email: segedasv@yandex.ru

Артамонов Д.С., Тихонова С.В. 2022. Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 75-87. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.06

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42063 "Петр I в исторической памяти современной России: репрезентация образа в медиасреде".

Статья поступила в редакцию: 15.03.2020. Принята к публикации: 02.07.2021

Аннотация. В цифровом мире меняются способы конструирования исторической памяти, интернет-пользователи при помощи социальных сетей имеют возможность демонстрировать в медиасреде собственные представления о прошлом. "Умные толпы" создают свою версию истории, используя доступные им инструменты, один из которых – интернет-мем. Цель исследования заключается в рассмотрении процесса визуализации образов прошлого при помощи интернет-мемов, которые формируют исторические представления, сочетая их с массовыми культурными стереотипами. Исторический интернет-мем представляет собой вариацию политического мема, содержащего отсылку к прошлому либо репрезентацию исторического факта. Обращение к проблеме конструирования исторической памяти в интернет-мемах позволяет преодолеть методологический разрыв в исследованиях memory studies между изучением политики памяти, проводимой акторами (политиками, учеными, лидерами общественного мнения, крупными СМИ), и тем, как она отражается в массовом сегменте общественного сознания. Интернет-мемы на историческую тематику воспроизводят яркие идеи политик памяти, но могут влиять на отношение пользователей к символической политике власти путем конструирования фейковых представлений о прошлом, которые воспринимаются как достоверные. Формат интернет-мема позволяет давать произвольную интерпретацию прошлого, кардинально изменяя образ исторического события либо героя, а бесконечные его вариации и вирусное распространение способствуют восприятию фейка массовой аудиторией. Интернет-мемы представляют собой удобный и простой инструмент создания и внедрения политического мифа, так как в их смысловую структуру закладываются мифоэлементы, узнаваемые большинством интернет-пользователей. Историческая память формируется различными общественными и политическими силами, использующими широкий набор инструментов, и интернет-мемы играют в этом процессе не последнюю роль.

Ключевые слова: политика памяти, мемы, интернет-мем, историческая память, цифровое общество, медиасреда, образы прошлого, memory studies.

Историческая память – значимый политический ресурс, используемый при конструировании политической идеологии и мифологии, коллективных идентичностей и политической мобилизации. В ней аккумулируется политический опыт. Представления людей о прошлом, образы прошлого играют значимую роль

в гражданской самоидентификации, приобретающей особую важность в условиях геополитических противостояний. Войны памяти становятся ключевым инструментом информационного влияния и оружием информационных войн. Как отмечает Т.В. Растимешина, память в российской политике выступает пространством борьбы различных политических сил за обладание правом на интерпретацию общего (государственного, национального) прошлого [Растимешина 2012: 60]. Современные подходы к изучению коллективных представлений о прошлом связаны с так называемым мемориальным поворотом 1970-1980-х годов, глобальной ревизией эпистемологических оснований исторической науки, переориентирующей внимание исследователей с исторических событий и явлений как таковых на изучение живой памяти о них, объективированной в общественном сознании, ее содержании, способах трансляции, социальных функциях [Леонтьева 2015: 59]. Мемориальный поворот привел к появлению нового междисциплинарного направления – *memory studies*, исследовательские стратегии которого реализуют методологические идеи М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана, А. Ассман и других о том, что представления о прошлом пересоздаются каждым поколением в процессах социальной коммуникации.

Отсутствие понимания связи между технологиями конструирования исторической памяти, применяемыми акторами (политиками, лидерами общественного мнения, крупными СМИ), и процессами, происходящими в массовом сегменте общественного сознания, представляет собой важную методологическую проблему *memory studies*. Интернет-мемы, будучи продуктом творчества масс, создающим развлекательный и познавательный контент, оказывают большое влияние на формирование исторической памяти. Вирусное распространение мемов, массовость их применения в процессе коммуникации, способность визуализировать исторические факты, а также идеологические и мифологические конструкты позволяют предположить, что они отражают массовые представления о прошлом. Изучение визуализации политики памяти в интернет-мемах и их трансформации в фейковую форму, а также анализ кейсов, связанных с появлением и функционированием в медиасреде мемов на историческую тематику, позволят проверить авторскую гипотезу о том, что интернет-пользователи перестают быть молчаливыми потребителями исторической информации, включаясь в производство исторических мифов и представлений о прошлом, зачастую имеющих ложный характер, т.е. непосредственно в процесс реализации политики памяти.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Memory studies открывают новое направление в изучении символических аспектов политики, связанных с идентичностью и идеологией. В условиях тотальной медиатизации социальной жизни политическая идеология принимает символические формы, адаптированные к условиям цифровой медиасферы и реализующиеся как символическая власть. Согласно определению П. Бурдье, последняя представляет собой "власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира"; тем самым символическая политика предстает как "воздействие на мир, а значит, сам мир" [Бурдье 2007: 95]. Высказывания о прошлом не только формируют общие представления об истории, объединяющие или разделяющие людей, но и закладывают картину общего будущего. Отказ от больших идеологических нарративов, характерных для политической реальности холодной войны,

актуализировал тему наследия в повестке дня и связанный с ней тренд на эксплуатацию истории в политических целях на рубеже столетий. В итоге в первые десятилетия XXI в. сложился категориальный ряд политического направления *memory studies*, базирующийся на взаимосвязи концептов "символическая политика", "политика памяти" и "историческая политика".

Термин "символическая политика" используется для описания политической коммуникации, закрепляющей определенные политические смыслы через визуальные артефакты. О.Ю. Малинова определяет ее как публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование [Малинова 2015: 23]. Символическая политика рассматривается в литературе как родовая категория по отношению к понятиям "политика памяти" и "историческая политика". Последние могут употребляться как синонимы, тем не менее тенденцию их демаркации можно считать уже сложившейся. Чаще используется более широкое понятие политики памяти, предложенное А.И. Миллером, согласно которому политика памяти – это "сфера публичных стратегий в отношении прошлого, т.е. концептуализация, а также практики коммеморации и преподавания истории" [Миллер 2013: 114]. Инфраструктура политики памяти включает в себя политические институции, научные и образовательные учреждения, медиасферу, музеи и политизированную топонимику.

Ключевой работой для теории политики памяти считается сборник статей под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэнджера "Изобретение традиции" [Hobsbawm, Ranger 1983], в котором описываются механизмы изобретения элитами традиций ради определенных политических целей. Легитимируя собственную власть, политические элиты формируют историческое сознание масс. Однако постепенно исследователи перестали связывать мнемоническую деятельность только с политическими элитами. Л.М. Нияковски определил политическую память как совокупность всех видов интенциональных действий политиков и чиновников, имеющих формальную легитимацию, целью которых является поддержание, вытеснение или переопределение тех или иных элементов коллективной памяти [Nijakowski: 2008]. Фактически речь идет о публичных символических действиях, направленных на то, чтобы события прошлого запоминались, забывались или репрезентировались.

Субъекты политики памяти разнообразны, в их качестве может выступать любой политический актор. А.М. Пономарева относит к ним широкий спектр институтов, воспроизводящих национальную и/или этническую идентичность [Пономарева 2018: 7]. Д.А. Аникин полагает, что мнемоническая деятельность политических акторов связана с естественным стремлением последних к легитимации существующего порядка или, наоборот, к его делегитимации [Аникин 2018: 77]. На наш взгляд, активность субъектов политики памяти может быть рассмотрена на методологической платформе теории политических сетей [Саворская 2018: 10-22], поскольку даже конкурирующие образы прошлого формируются в широких сетях взаимодействия самых разных социальных субъектов, транслируются в сетях медиасферы, интегрируют приватные и публичные практики на уровне горизонтальных взаимодействий. В политику памяти активно включаются цифровые массы, генерирующие исторический контент "снизу". Акторы используют различные репертуары символических ресурсов, которые, однако, гибко и оперативно реагируют на изменения друг друга.

Более узкое понятие "историческая политика" применяется для обозначения мнемонической деятельности государства, направленной на самолегитимацию,

сообщества профессиональных историков и общественные институты. Оно сформировалось в 1980-х годах в Германии в связи с процессами переосмысления нацистского прошлого, затем развивалось в Польше в конце 1990-х годов в связи с созданием Института национальной памяти, а далее на Украине в 2000-х годах, где был создан аналогичный институт. А.И. Миллер определяет историческую политику как частный случай политики памяти, предполагающий активное участие властных структур, конфронтационность и преследование партийных интересов [Миллер 2013: 114]. Но если политика памяти проводится при помощи широкого спектра информационных ресурсов, то историческая политика предполагает в большей степени государственное управление и законодательное регулирование. Историческая политика подразумевает непосредственное воздействие государства на историческую науку, образование, общественно-политическую жизнь населения с целью формирования определенного представления о прошлом правовыми средствами. М.В. Кирчанов показывает, что историческая наука и историческая политика нередко развиваются параллельно и воздействуют на общество, используя разные языки [Кирчанов 2016: 84]. В исследованиях, ориентированных на государствоведение, для обозначения исторической политики применяются понятия "государственная политика по сохранению исторической памяти" [Попп, Шахнович 2018] либо "государственная политика в области праздников" [Ефремова 2016] и др. Для исторической политики характерны вертикальные модели взаимодействия государства и общества и формирование образов прошлого "сверху".

Политика памяти и историческая политика тесно связаны между собой, и вряд ли будет преувеличением утверждение, что в каждой стране существует собственная повестка исторической памяти. Несмотря на то, что исследователи четко разграничивают политологический и исторический подходы к изучению памяти [Пономарева 2018: 15], оба они предполагают учет сосуществования как идеологически последовательных стратегий, так и конъюнктурного взаимодействия неравновесных акторов. Позицию, в соответствии с которой историческая память – неотъемлемый элемент политической культуры и объект политической коммуникации, можно считать сложившейся (см., например, [Морозов 2020; Шестов 2020]).

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ

Визуальные компоненты – неотъемлемый элемент исторической памяти. Изображения, мемориальные комплексы, церемонии выступают опорными структурами практик коммеморации, делая фигуры прошлого зримыми и наглядными. Цифровые технологии существенно повысили плотность потоков визуализации исторической памяти, освободив ее от строгих контекстных форм социального взаимодействия, позволив образу стать симультантным, включающим в себя действия, протекающие параллельно в разных средах. Видение и власть переплетены в визуальной политике цифровой повседневности, помещающей реципиента в центр событий. Пользователи социальных сетей активно взаимодействуют с медиапространством, не только потребляя, но и создавая изображения.

Визуализация исторической памяти является важным инструментом политики памяти, особенно в том случае, если последняя противостоит исторической политике. Ф.И. Шарков определяет визуализацию как средство ориентирования в окружающем мире, с одной стороны, и как средство пред-

ставления мира в других измерениях и плоскостях – с другой [Шарков 2017: 48]. Визуализируя память, пользователи создают собственное представление истории, погружаясь в нее и приближая ее к себе. Формирование наглядных образов прошлого, версий истории и даже историческая рефлексия легко тиражируются в формате цифровых изображений, персонализируя отношения индивидов к историческим событиям, вырабатывая их клишированные формы.

Убежденность в необходимости исторических знаний в нашем обществе близка к абсолютной. Согласно исследованию ВЦИОМ от 2017 г., 96% опрошенных считают, что для них важно знать российскую историю. Однако конкретные вопросы на знание исторических фактов показывают, что знают их крайне плохо. Так, на вопрос "Когда Россия вышла из Первой мировой войны?" не было дано ни одного правильного ответа. Низкий процент правильных ответов на вопросы объясняется методологией опроса, предполагавшей знание конкретных событий и дат, а не выяснение характера представлений о прошлом. В то же время 62% респондентов верно ответили на вопрос "Кто из советских руководителей обещал показать США 'кузькину мать'?", и это была самая большая доля верных ответов из всего опроса[1]. Данный факт можно объяснить только тем, что историческому событию легче стать частью коллективной памяти, если информация о нем содержит оценочное суждение, она визуализирована, эмоционально окрашена и вписывается в актуальную повестку дня. Сказанная Никитой Хрущевым Ричарду Никсону фраза "Мы вам еще покажем кузькину мать!" давно стала политическим анекдотом, а в современной медиасреде превратилась в интернет-мем, ассоциируемый с холодной войной как историческим периодом и метафорой длительного противостояния, актуализировавшийся в политическом сознании в связи с обострением отношений России с западными странами.

В большинстве случаев мемы представляют собой креолизованные тексты, сочетающие вербальные и невербальные компоненты с целью визуализации информационного сообщения. Они создаются при помощи "фотожаб", в виде комиксов, демотиваторов в черных рамках, *gif*-формате и др. В этом отношении интернет-мемы имеют точно такие же возможности для эффективного донесения информации, как и другие креолизованные тексты – афиши, транспаранты, листовки, комиксы, карикатуры, плакаты, кинотекст. М.Б. Ворошилова связывает креолизацию с повсеместным распространением в сетевом дискурсе стремления к визуализации информации [Ворошилова 2013: 26-29]. Визуальный элемент креолизованного текста служит для того, чтобы полнее раскрыть вербальное сообщение или же придать ему новое значение [Голованова, Часовский 2015: 136]. Визуализация упрощает восприятие информации, способствует более глубокому ее усвоению, увеличивает степень воздействия на аудиторию, дает возможность самовыражения и содействует взаимопониманию. Р. Барт отмечал, что у визуализации есть два значения: денотативное, отражающее реальность, и коннотативное, показывающее, как эта реальность воспринимается человеком и обществом. Причем коннотативное значение не менее исторично, чем денотативное, т.е. оно отображает историческую реальность, но в том виде, в каком ее представляет индивид. Одним из приемов коннотации визуальных образов служит добавление к ним текстового комментария, расширяющего возможности понимания и интерпретации визуального сообщения [Барт 2003: 378-392].

[1] История страны: ставим "отлично", в уме держим "неуд". *ВЦИОМ*, 14.09.2017. https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3581 (accessed 16.02 2021).

Мир переориентировался на визуальный способ представления информации, который заложен в основу цифровых средств коммуникации. Сочетание визуальных образов и тестовых сообщений становится источником бесконечного количества интерпретаций информации, в том числе о прошлом. Спекулятивное понимание истории, опирающееся не на научное знание, а на способы ее репрезентации, приводит к политизации исторической памяти. Последняя направлена на нивелирование различий между историей и памятью; историческое знание, попав в медиасреду, оказывается только представлением о прошлом, подчас очень далеким от истины. Интернет-мем можно рассматривать как инструмент этой политизации, способный достаточно эффективно конструировать представления о прошлом. Субъектом конструирования выступает как сам реципиент, так и те, кто продуцирует интернет-контент, что характерно для эпохи просьюмеризма, когда производитель информационного продукта выступает и его потребителем. Визуализация истории, представленная в интернет-мемах, подвергающихся постоянной трансформации, создает иллюзию исторического знания и содействует дальнейшей интерпретации прошлого. Также они транслируют определенное отношение к историческим событиям в тех или иных политических целях.

Иллюстрацией данного процесса могут служить мемы о Петре I, традиционно представляемом в политической мифологии как исторический герой, заложивший своими военными и государственными реформами основы современной России. Один из главных мифов о Петре I связан с его политикой европеизации, которая в исторической памяти выражена метафорой А.С. Пушкина "В Европу прорубить окно". Образ Петра I, "прорубившего окно в Европу", стал часто обыгрываться в интернет-мемах после 2014 г., когда в массовом сознании актуализировался стереотип противостояния России западной цивилизации и ее ценностям. В пример можно привести красноречивый мем с портретным изображением императора и подписью "Окно в Европу срочно заколотить! Нынче вид из него ужасный!". Различные вариации мемов на эту тему имеют прямо империалистический характер *("А Нарва-то русский город!!! Пора ему возвращаться!!! Хватит болтаться по европомойкам"*) или иронизируют над "несовершенством" российского народа (*"Прорубил окно. Чувствую кривовато вышло!"*). Примечателен в этом отношении мем, сравнивающий Петра Великого и украинского президента Петра Порошенко: *"Оба Петра хотели в Европу. Один для этого поднял страну, а другой ее разрушил"*. Эти мемы показывают, как визуализация мифологизированного образа императора-строителя и стереотипное восприятие актуальной повестки дня пытаются изменить сложившееся в политическом сознании представление о благотворности европоцентричной политики на противоположное.

В исторической памяти символом государственного строительства и политики европеизации Петра I выступает г. Санкт-Петербург. В то же время частью мифологии этого города является строительство Северной столицы на болотах. Этот миф обыгрывался в интернет-меме, сравнивающем российского императора и персонажа популярного анимационного фильма "Шрек". Мем с портретным изображением Петра I и надписью: *"Осел! Нет никаких 'мы', нет никакого 'наше'. Есть только я и мое болото! – Шрек"* появился в январе 2017 г. и стал массово распространятся, порождая большое количество визуальных вариаций сюжета "Петр I – болото – Шрек". В итоге возникли мемы, в которых пользователи не только проводили параллели между историческим и анимационным персонажами, но и предполагали, что это одно и то же лицо. Самым красноречивым здесь можно назвать мем *"Ой, извини, две одинаковых фотки*

скинул", с портретами Петра I и Шрека. Отождествление исторического деятеля и героя массовой культуры указывает на то, что интернет-пользователи, массово рассылающие этот мем, перестают воспринимать первого российского императора в качестве символического образа основателя государства, и его величие ставится под сомнение ассоциативным рядом с болотом. Политическим последствием процесса распространения вариаций мема "Петр I – Шрек" может быть нивелирование усилий по проведению политики памяти, направленной на коммеморацию Петра Великого как выдающейся исторической личности.

Аналогично трансформировался образ В.И. Ленина, когда в 2010-х годах стали чрезвычайно популярны интернет-мемы с его изображением. В них он появляется не как основатель советского государства или революционный лидер, а как антропоморфный персонаж. Имеется в виду мем "Ленин-гриб", возникший благодаря републикации в интернете телевизионного сюжета 1991 г. из передачи "Пятое колесо", где ее ведущие с серьезным видом подали как истину некий миф, согласно которому Ленин в больших количествах употреблял галлюциногенные грибы и сам в результате превратился в гриб. Этот эксперимент-шутка стал символом того, что с помощью телевидения можно внушить все что угодно, а мем "Ленин-гриб" воспоминают, когда появляются новости, построенные на фейках или домыслах. Следует отметить, что абсурдная ассоциация Ленина с грибом, так же как и в случае мема о Петре I и Шреке, привела к трансформации образа исторического героя в фейковую форму, который невозможно эффективно использовать в конструировании политической идеологии или политической агитации. Попытки российских коммунистов превратить имя Ленина в бренд не увенчались особым успехом, возможно, именно из-за наличия в политическом сознании современных интернет-пользователей этого мема, который делает образ "вождя мирового пролетариата" несерьезным.

Своеобразно отражена в мемах и коммеморативная политика в отношении памятников Ленину. Интернет-мем "Ленин за углом", созданный на основе фотографии монумента Ленину, снятого со своего постамента и поставленного за угол, появился благодаря массовому сносу памятников на Украине, получившему неофициальное название "ленинопад". Самый первый и распространенный вариант мема содержал подпись "*Псс, парень, не хочешь немного коммунизма?"*. Этот мем обыгрывал стереотип о заговорщиках, спекулянтах, наркоторговцах, сформированный художественными фильмами, где такие люди прятались за углом и предлагали прохожим что-то запретное или неприличное. Несмотря на то что "выглядывающий из-за угла" памятник Ленину в бесконечных вариациях мема перестал ассоциироваться непосредственно с украинской политикой декоммунизации, его основа все время отсылает интернет-пользователей к коммеморативной практике сноса памятников. Сам же образ Ленина как исторического героя остался в массовом сознании связанным с революцией и коммунизмом как идеологическими конструктами, получившими в этом меме негативный оттенок.

Интернет-мемы на историческую тематику, как правило, актуализированы современностью. Яркий пример – мем *"Привет, потомки! Как вы там?"*, появившейся весной 2015 г. Изначально он представлял собой микрокомикс из четырех панелей, где был изображен Юрий Гагарин с телефонной трубкой, спрашивающий: "*Высадились на Марс?"*, ответ "потомков" — *"Юра, мы все потеряли"* и плачущий космонавт. В дальнейшем возникло большое количество модификаций данного мема. Как иллюстрация того, что "все потеряно", пользователи размещали фотофакты, не лучшим образом характеризующие сегодняшний день, абсурдные и шокирующие заголовки ново-

стей, фотографии бессмысленных достижений и нелепых поступков, любой визуальный материал, демонстрирующий, "как все плохо". В многочисленных вариациях мема Гагарин менялся на других исторических персонажей: Петра I, Пушкина, Наполеона, Ленина, Сталина, Гитлера, Ельцина. Каждый из них задавал потомкам вопрос, соответствующий их мифологизированному образу. Мем стал своеобразной "машиной времени", позволяющей вписать любого исторического героя в современную повестку дня и с его помощью дать эмоциональную оценку социально-политической ситуации в стране.

МЕМ КАК ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОГО ФЕЙКА В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

В зарубежной науке популярность концепции мемов привела к появлению особого научного направления – меметики, стремившейся описывать содержание сознания как совокупность мемов, а эволюцию культуры – как развитие и неконтролируемое самовоспроизводство мемов, имеющих вирусную природу [см. Blackmore 1999; Brodie 1996; Hofstadter 1986], но уже в 2000-е годы новая "наука" была признана несостоятельной и феномен мема стал рассматриваться в более узком значении в качестве медиамема, или интернет-мема. Западные исследователи начали рассматривать интернет-мем как часть цифровой культуры, разновидность метафорического, чаще всего ироничного, шутливого высказывания, распространяющегося в онлайн-среде [Davison 2009; Shifman 2014; Piata 2016; Johann, Bülov 2019], в российской теории понятие мема трактуется сходным образом [см. Шомова 2021].

Интернет-мем можно определить как "группу цифровых элементов, имеющих общие характеристики содержания, формы и/или выражаемой позиции, которые созданы с осознанием соответствия друг другу и были распространены, имитированы и/или преобразованы через интернет многими пользователями" [Shifman 2014: 41]. На наш взгляд, это определение следует дополнить характеристикой мема как информационного сообщения (слово, фраза, изображение), метафорически выражающего эмоциональное отношение интернет-пользователей, вынужденных в условиях информационной перегрузки и дефицита времени быстро реагировать на изменения повестки дня, к значимым для них сведениям, связанным с удовлетворением когнитивных, семантических и аксиологических потребностей. В эпоху постправды для интернет-пользователя любые факты и истины перестают иметь значение, а конкретные альтернативные понятия – "да/нет", "истинное/ложное" – становятся условными и, по выражению С.В. Чугрова, "поглощаются 'черной дырой' массового сознания" [Чугров 2019: 49], уступая место мемам. Постправда понимается исследователем как "постмодернистская девиация, деформированное и стереотипизированное состояние сознания, в котором стереотипы уже оторвались от реальных образов" [там же: 49]. Политика постправды, определяемая как новый тип политической культуры, "способствует возникновению "новой достоверности", реабилитирующей повседневный, субъективный опыт, художественный язык" [Якомиов 2020: 5]. В этих условиях фейк становится значимой частью информационного пространства, а мем можно рассматривать не только как инструмент, способствующий распространению фальшивых новостей, но и как его идеальное воплощение.

Согласно определению Э. Хант, фейк-ньюс представляют собой "информационную мистификацию или намеренное распространение дезинформации в социальных медиа и традиционных СМИ с целью введения в заблу-

ждение для того, чтобы получить финансовую или политическую выгоду”[2]. Исследователи подчеркивают развлекательный характер этого новостного жанра и вариативность степени недостоверности фейковых сообщений; манипулятивный, маскарадный, постановочный характер фейков, их гротескность, неожиданность, способность соединять реальное и фантастическое; трактуют его как антиисточник информации [Панченко 2013: 169]. Фейки, так же как и мемы, – это сложная массовая экосистема, в которую включены боты и пользователи социальных сетей, занятые производством и тиражированием “канонически” жанрово оформленного эмоционально окрашенного контента, создающего альтернативную действительность.

Характерные для политики постправды “альтернативные факты” в историческом знании превращаются в исторические фейки, которые можно охарактеризовать как интернет-контент, эксплуатирующий образы прошлого в целях внедрения в коллективную память искаженных (по отношению к научным данным) представлений о прошлом. Исторический фейк напрямую связан с фальсификацией истории и представлен в современном медиапространстве во всех доступных форматах, но наиболее распространенным является мем.

Мем на историческую тему представляет собой воплощение стереотипного восприятия исторического события, он обязательно содержит в себе элементы мифа наряду с конкретным знанием о прошлом. Однако мем определенным образом искажает прошлое уже в силу самой своей природы, даже если это делается неосознанно, так как он конструируется путем совмещения нескольких фрагментов информации, не имеющих прямого отношения друг к другу. Вирусное распространение мема предполагает его частичное видоизменение и постоянную модификацию, что еще больше уводит его от исторической достоверности. Все это делает исторический мем удобным инструментом фальсификации истории.

Фальсификация истории зачастую носит политический характер, влияет на политику памяти и воздействует на процессы формирования исторической памяти. На наш взгляд, можно проследить взаимовлияние и корреляцию политических и исторических мемов, так как история очень часто служит обоснованием политики. По мнению исследователей М. Йоханна и Л. Бюлова, “политические интернет-мемы – это действенная форма участия пользователей в современной цифровой культуре” [Johann, Bülov 2019: 1722]. Атрибут “политический” здесь означает, что данный поджанр мемов выражает общественные интересы политических акторов, отражает их отношение к политическим решениям или событиям и является инструментом публичного действия в коммуникационных процессах и общественных конфликтах. Исторический интернет-мем можно рассматривать как вариацию политического мема, содержащую в себе отсылку к образам прошлого либо репрезентацию исторического факта.

В этом смысле показательна история мема “Иван Грозный убивает”. В октябре 2013 г. на имя министра культуры В.Р. Мединского и директора Третьяковской галереи И.В. Лебедевой было опубликовано открытое письмо представителей православных организаций с просьбой убрать картину И.Е. Репина “Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 г.” из экспозиции Третьяковской галереи, так как, по их мнению, полотно является клеветой на русского царя, не убивавшего своего сына, и оскорбляет патриотические чувства людей. Публикация этого письма и ответ Мединского, посчитавшего

[2] Hunt E. What is fake news? How to spot it and what you can do to stop it. *The Guardian*, 17.12.2016. https://www.theguardian.com/media/2016/dec/18/what-is-fake-news-pizzagate

данное обращение шуткой, породили волну мемов и фотожаб, в которых Иван Грозный с холста Ильи Репина помещался в другие картины и самые разнообразные обстоятельства, не имеющие никакого отношения к исторической действительности. В июле 2017 г. президент В.В. Путин на встрече с рабочими, отвечая на вопрос о противодействии фальсификации истории, вновь поднял тему достоверности свидетельств об убийстве царем своего сына, чем всколыхнул новую волну мемов. В мае 2018 г. некий И. Подпорин повредил полотно Репина, что также широко освещалось в СМИ и вновь привлекло внимание к картине и связанным с ней мемам. Таким образом, спорный вопрос истории, который благодаря политическим и общественным деятелям неожиданно приобрел остроту в современной повестке дня, в пространстве социальных сетей при помощи мемов трансформировался в фейковую форму.

В современном медийном пространстве наибольшее количество исторических фейков возникает на тему истории Второй мировой войны, что находит свое отражение в интернет-мемах. Они хорошо показывают, что в коллективной памяти Вторая мировая война представлена как непримиримое противоборство двух ключевых фигур – А. Гитлера и И.В. Сталина. Ярким подтверждением этому является мем "Гитлер против Сталина" 2016 г., изображающий физическое противостояние двух исторических персонажей в стилистике комиксов про супергероев на фоне танкового сражения. Однако супергеройские образы Сталина и Гитлера скорее исключение, чем правило в практике создания мемов про них. Чаще мемы, наоборот, подчеркивают человеческие стороны двух вождей, низводя их образы до бытового уровня. Смеховая культура мемов предполагает юмористическое описание представляемых социальных объектов, и в данном случае Гитлер и Сталин предстают скорее как комедийные актеры, чем как руководители государств, участвующих в самой страшной войне XX в. В пример можно привести мем про Сталина "Расстрелять", где он с улыбкой отдает это приказание в самых нелепых ситуациях; мем, символизирующий обобществление, где фотография серьезного Сталина соответствует обозначению "мое", а улыбающегося — "наше"; мем в виде пикселизированной картинки, где смеющийся Сталин говорит: *"Ахаха! Отличный пост! Теперь вали в ГУЛАГ"*, и мем, где Сталин показывает сердечко, сложенное ладонями. Про Гитлера также очень много подобных мемов, самые известные из которых: "Гитлер – кемпер", компьютерный игрок, безжалостно убивающий своих противников; Гитлер, направляющий в газовую камеру или печь; "Гитлер под амфитамином", видеомем, изображающий его как бы под воздействием наркотиков. В этих мемах Гитлер и Сталин предстают в образах улыбчивых, милых и обаятельных людей. Гитлера даже сравнивают с кошками, безусловными "звездами" интернета и героями мемов. Мем *"Heil Kitler"*, за основу которого взята фотография кошки с черными отметиной на носу и пятном на голове, напоминающими усы и прическу немецкого диктатора, переносит на него умиление, которое у интернет-пользователей вызывают изображения кошачьих. Так образы исторических личностей превращаются в фейк в угоду развлекательным интересам интернет-пользователей, что сказывается на их восприятии как политических деятелей истории и проведении по отношению к ним соответствующей политики памяти.

ВЫВОДЫ

Интернет-мемы на историческую тематику оказывают большое влияние на политику памяти, так как помимо информационной и коммуникационной они выполняют социально-психологическую и политико-психологическую

функции, выражаемые в формировании определенного отношения к предлагаемым властью политическим символам. Это отношение заключается в эмоциональной оценке символической политики и зачастую носит юмористический характер. Политическая карикатура, политический анекдот, афоризмы или шутливые высказывания политиков традиционно являются значимыми формами политического юмора и сохраняют свое значение до сегодняшнего дня, в то же время можно наблюдать возрастающую роль интернет-мемов в репрезентации политик. Это объясняется тем, что мемы могут сочетать в себе силу визуального образа и значимость текстового высказывания, соединение которых позволяет создавать информационные политические сообщения, адаптированные под пространство социальных медиа.

Мемы как тип контента не претендуют на то, чтобы быть источником верифицированной информации, они подвергаются бесконечным модификациям и интерпретациям, что в конечном счете уводит их не только от истинности, но и фактографичности. Меняясь, они трансформируют восприятие политического факта, а в случае с политикой памяти – истории. Интернет-мемы транслируют определенные представления об историческом событии или историческом герое и могут порождать совершенно новые образы прошлого, в то же время основа их остается узнаваемой и соответствующей мифологизированному восприятию истории массами. Таким образом, мемы способны влиять на политику памяти государств, так как не только являются откликом на политическую повестку дня, но имеют возможность задавать рамки осмысления прошлого. Историческая память конструируется не только государством, она также формируется массами, "умными толпами", создающими ту историческую картину мира, которая отвечает интересам их сообществ.

DOI: 10.17976/jpps/2022.05.06

MEMORY POLICY ON THE INTERNET MEMES: FROM VISUALIZATION OF HISTORY TO FAKES

D.S. Artamonov[1], S.V. Tikhonova[1]

[1] Saratov State University. Saratov, Russia

ARTAMONOV, Denis Sergeevich, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of Chair of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University, email: artamonovds@mail.ru; **TIKHONOVA, Sophia Vladimirovna**, Dr. Sci. (Philos.), Professor of Chair of theoretical and social philosophy, Saratov State University, email: segedasv@yandex.ru

Artamonov, D.S., & Tikhonova, S.V. (2022). Memory policy on the Internet memes: from visualization of history to fakes. *Polis. Political Studies*, 5, 75-87. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.06

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-09-42063 "Peter I in the historical memory of modern Russia: representation of the image in the digital media".

Received: 15.03.2020. Accepted: 02.07.2021

Abstract. Digital technologies are changing the way historical memory is constructed. Today, the masses of Internet users with the help of social networks have the opportunity to demonstrate their ideas about the past in the media environment. "Smart crowds" create their own version of history using the tools available to them, one of which is an Internet meme. The purpose of the study is to consider the process of visualizing images of the past with the help of Internet memes that form historical representations, combining them with mass cultural stereotypes. A historical Internet meme is a variation of a political meme containing a reference to the past or a representation of a historical fact. Addressing the problem of constructing historical memory in Internet memes makes it possible to overcome the methodological gap in memory studies between the study of the memory policy conducted by actors (politicians, scientists, opinion leaders, major media) and how it is reflected in the mass segment of public consciousness. The meme format allows one to give an arbitrary interpretation of the

past, radically changing the image of a historical event or hero, and its endless variations and viral distribution contribute to the perception of a fake image of a mass audience. Memes have become a convenient and simple tool for creating and implementing a political myth, since its semantic structure contains myth elements that are recognizable by most Internet users. Historical memory is formed by various social and political forces that use a wide range of tools, and Internet memes play an important role in this process.

Keywords: memory policy, memes, Internet meme, historical memory, digital society, media environment, images of the past, memory studies.

References

Blackmore, S. (1999). The meme machine. Oxford: Oxford University Press.

Brodie, R. (1996). Virus of the mind: the new science of the meme. Seattle, WA: Integral Press.

Davison, P. (2009). The language of internet memes. In M. Mandiberg (Ed.), *The Social Media Reader* (pp. 120-134). New York, London: New York University Press.

Hobsbawm, E., & Ranger, T. (Ed.). (1983). The invention of tradition. Cambridge: Cambridge University Press.

Hofstadter, D.R. (1986). Metamagical themas. questing for the essence of mind and pattern. New York, NY: Basic Books.

Johann, M., & Bülov, L. (2019). One does not simply create a meme: conditions for the diffusion of internet memes. *International Journal of Communication,* 13, 1720-1742.

Nijakowski, L.M. (2008). Polska polityka pamięci. Esej socjologiczny. Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne.

Piata, A. (2016. When metaphor becomes a joke: metaphor journeys from political ads to internet memes. *Journal of Pragmatics,* 106, 39-56. https://doi.org/10.1016/j.pragma.2016.10.003

Shifman, L. (2014). Memes in digital culture. Massachusetts: MIT Press. 200 p.

Anikin, D.A. (2018). Memory policy in a networked society: risks and prospects. *Science and Education Today,* 12, 77-79. (In Russ.)

Barthes, R. (2003). Le système de la mode. Essais de sémiologie de la culture. (Russ. ed.: Barthes, R. Sistema mody. Stat'i po semiotikekultury. Moscow: Publishing house of them. Sabashnikov Publ.).

Bourdieu, P. (2007). Sociologie de l'espace social. (Russ. ed.: Bourdieu, P. Sociologiya socialnogo prostranstva. Moscow: Institute of experimental sociology; Saint Petersburg: Aletheia).

Chugrov, S.V. (2019). *Epoha postpravdy kak novaya real'nost* ['The post-truth era as a new reality]. In L.S. Salnikova (Ed.), *Strategicheskie kommunikacii v cifrovuyu epohu. Novye tekhnologii: uchebnoe posobie* [Strategic communications in the digital age. New technologies] (pp. 45-59). Moscow: Publishing House Scientific Library. (In Russ.)

Efremova, V.N. (2016). State policy in the field of holidays in Russia: reviewing the grounds of identity? *Bulletin of the Perm scientific center of URO RAS,* 5, 93-98. (In Russ.)

Golovanova, E.I., & Chasovsky, N.V. (2015). Internet meme as an element of visualization in the media. *Bulletin of the Chelyabinsk state University. Philology. Art criticism,* 5, 135-141. (In Russ.)

Kirchanov, M.V. (2016). Taming the past: historical politics and memory politics (European historiographic experience and Latin American contexts). *Political changes in Latin America,* 3, 73-86. (In Russ.)

Leontieva, O.B. (2015). "Memorial turn" in modern Russian historical science. *Dialogue with time,* 50, 59-96. (In Russ.)

Malinova, O.Yu. (2015). *Aktualnoe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti* [Current past: symbolic politics of the ruling elite and dilemmas of Russian identity]. Moscow: Political encyclopedia. (In Russ.)

Miller, A.I. (2013). Role of expert communities in memory politics in Russia. *Politeia,* 4, 114-126. (In Russ.) https://doi.org/10.30570/2078-5089-2013-71-4-114-126

Morozov, I.L. (2020). Historical memory as a political category in modern Russia. *Society: Politics, Economics, Law,* 1, 12-18. (In Russ.) https://doi.org/10.24158/pep.2020.1.1

Panchenko, N.N. (2013). Fake news in the aspect of reliability. *Theoretical and applied aspects of the study of speech activity,* 8(1), 164-169. (In Russ.)

Ponamareva, A.M. (2018). Historical memory and historical politics: introduction to the thematic section. *Social and human Sciences. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology. Abstract Journal,* 3, 6-14. (In Russ.)

Popp, I.A., & Shakhnovich, I.S. (2018). State policy for preserving the historical memory of citizens of the Russian Federation: legal aspect. *Pedagogical education in Russia,* 12, 42-49. (In Russ.)

Rastimesina, T.V. (2012). Cultural heritage in the Russian state memory policy. *Power,* 10, 60-64. (In Russ.)

Savorskaya, E.V. (2018*). Politicheskie seti v processah nadgosudarstvennogo regulirovaniya: evropejskij i mirovoj opyt* [Political networks in the processes of supranational regulation: European and world experience]. Moscow: IMEMO RAS. (In Russ.)

Sharkov, F.I. (2017). Media convergence of the space of the political sphere of society. *PolitBook,* 2, 47-57. (In Russ.)

Shestov, N.I. (2020). Myth of historical memory's political functionality in the present context. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 20(3), 324-332. (In Russ.) https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-324-332

Shomova, S.A. (2021). Meme chronicler: representation of the pandemic news agenda in the Runet memetic content. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5, 399-424. (In Russ.) https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1977

Voroshilova, M.B. (2013). Politicheskij kreolizovannyj tekst: klyuchi k prochteniyu [Political creolized text: keys to reading]. Yekaterinburg: Ural state pedagogical university. (In Russ.)

Yakimov, A.E. (2020). Post truth and everyday life. On the problem of defining the concept of "post-truth". *Philosophy and Culture*, 9, 1-8. (In Russ.) https://doi.org/10.7256/2454-0757.2020.9.33801

Литература на русском языке

Аникин Д.А. 2018. Политика памяти в сетевом обществе: риски и перспективы. *Наука и образование сегодня*. № 12. С. 77-79.

Барт Р. 2003. *Система моды. Статьи по семиотике культуры*. М.: Издательство им. Сабашниковых.

Бурдье П. 2007. *Социология социального пространства*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.

Ворошилова М.Б. 2013. *Политический креолизованный текст: ключи к прочтению*. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т.

Голованова Е.И., Часовский Н.В. 2015. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. № 5. Вып. 94. С. 135-141.

Ефремова В.Н. 2016. Государственная политика в области праздников в России: пересмотр оснований идентичности? *Вестник Пермского научного центра УРО РАН*. № 5. С. 93-98.

Кирчанов М.В. 2016. Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (европейский историографический опыт и латиноамериканские контексты). *Политические изменения в Латинской Америке*. № 3. С. 73-86.

Леонтьева О. Б. 2015. "Мемориальный поворот" в современной российской исторической науке. *Диалог со временем*. Вып. 50. С. 59-96.

Малинова О. Ю. 2015. *Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: Политическая энциклопедия.

Миллер А. И. 2013. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России. *Полития*. № 4. С. 114-126. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2013-71-4-114-126

Морозов И. Л. 2020. Историческая память как политическая категория в современной России. *Общество: политика, экономика, право*. № 1(78). С. 12-18. https://doi.org/10.24158/pep.2020.1.1

Панченко Н.Н. 2013. Фейк-новость в аспекте достоверности. *Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности*. Т. 8. № 1. С. 164-169.

Понамарева А.М. 2018. Историческая память и историческая политика: введение к тематическому разделу. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал*. № 3. С. 6-14.

Попп И. А., Шахнович И. С. 2018. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации: нормативно-правовой аспект. *Педагогическое образование в России*. № 12. С. 42-49.

Растимешина Т. В. 2012. Культурное наследие в российской политике государственной памяти. *Власть*. № 10. С. 60-64.

Саворская Е.В. 2018. *Политические сети в процессах над государственного регулирования: европейский и мировой опыт*. М.: ИМЭМО РАН.

Чугров С.В. 2019. Эпоха постправды как новая реальность. *Стратегические коммуникации в цифровую эпоху. Новые технологии*: учебное пособие. Под ред. Л.С. Сальниковой. М.: Издательский дом "Научная библиотека". С. 45-59.

Шарков Ф. И. 2017. Медиаконвергенция пространства политической сферы общества. *PolitBook*. № 2. С. 47-57.

Шестов Н. И. 2020. Миф политической функциональности исторической памяти в современных условиях. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. Т. 20. Вып. 3. С. 324–332. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-324-332

Шомова С.А. 2021. Мем-летописец: репрезентация новостной повестки дня пандемии в меметическом контенте Рунета. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 5. С. 399-424. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1977

Якимов А. Е. 2020. Постправда и повседневность. К проблеме определения понятия "постправда". *Философия и культура*. № 9. С. 1-8. https://doi.org/10.7256/2454-0757.2020.9.33801